

ДОМ В ПРОЛОМИХЕ

Александр Блохинец

Николай Платонович
Огарев
1813-1877

В тридцати шести километрах севернее железнодорожной станции Инза, близ села Проломиха, в живописной местности у излучины речки Талы стоит старый двухэтажный каменный дом. Это один из исторических памятников Поволжья.

Достопримечательность этого дома и этого места в том, что здесь с апреля 1850 и по июль 1855 года жил поэт, публицист и революционный демократ Николай Платонович Огарев.

Пламенный патриот и энциклопедически образованный человек, он воплощал в себе самые разнообразные качества. Он был поэтом, музыкантом, композитором, публицистом, философом-материалистом. Огарев — один из инициаторов создания знаменитого «Колокола» и один из организаторов революционного общества «Земля и воля».

Николай Платонович Огарев родился 6 декабря 1813 года в Петербурге в богатой дворянской семье, где получил хорошее домашнее образование. Будучи студентом Московского университета, он вместе с Герценом организовал кружок, пропагандировавший революционные и социалистические идеи, за что в июле 1834 года был арестован, подвергнут заключению, а затем выслан в Пензенскую губернию.

Через шестнадцать лет, 24 февраля 1850 года, находясь в Симбирске, он был арестован вторично «за принадлежность к коммунистической секте» и отправлен в Петербург, где находился в заключении в жандармском управлении до середины марта.

А в конце 1860 года, будучи уже в эмиграции, «по высочайшему повелению» Огарев был лишен всех прав состояния и навечно изгнан из России. Скончался он 23 июня 1877 года в Гринвиче, близ Лондона.

Но прошло восемьдесят девять лет, и 1 марта 1966 года в Шереметьевском аэропорту столицы приземлился самолет, прибывший из Лондона. В присутствии общности с борта самолета была торжественно снята урна с прахом Огарева. На другой день она с почестями была предана

родной земле на Новодевичьем кладбище Москвы. Так по решению Советского правительства было прервано «вечное» изгнание великого сына земли русской.

Сам по себе этот факт является одним из редких и подчеркивает значение Огарева в истории нашей страны.

В одном из своих писем в декабре 1863 года Огарев писал: «...если у нас явится Пугачев, то я пойду к нему в адъютанты, потому... что ненавижу русское дворянство, которое пошло, подло и неразрывно связано с русским правительством». Эта фраза достаточно ярко характеризует и умонастроение автора, и его бунтарскую натуру.

В самом начале 1860 года он разработал план вооруженного восстания в России; его он представлял как «военно-народное», или «повсюдное восстание», элементы организованности в которое должна была внести революционная армия. (Примечательно, что в списке руководящих лиц военно-революционной организации, составленном Огаревым, фигурировал поручик

Константин Игнатьевич Крупский — отец Надежды Константиновны Крупской.)

Совместно с Герценом Огарев комплектовал и редактировал номера «Колокола», руководил и направлял деятельность общества «Земля и воля», доставал деньги на помощь заключенным в царских застенках П.А.Мартыанову, Н.Г.Чернышевскому, Н.А.Серно-Соловьевичу и другим, писал воззвания и листовки, организовывал их печатание и переправку в Россию. Установлено, что рукой Огарева написано до ста пятидесяти прокламаций, призывавших русских людей «к топору», то есть к восстанию против царизма.

В Проломиху Огарев впервые попал осенью 1847 года с целью осмотра и покупки Тальской пшечубуажной фабрики. Это было одно из старейших предприятий в Симбирской губернии. Фабрика возникла в 1720-х годах и неоднократно переходила из рук в руки. Ко времени его покупки Огаревым предприятие находилось в тяжелом положении. Жесточкая эксплуатация крепостных, нечеловеческие условия их существования и непосильный труд периодически приводили к возмущениям и волнениям. Но волнения подавлялись кровавыми телесными наказаниями, ссылками на кааторгу. Так, в январе 1846 года на фабрике вспыхнул очередной бунт крестьян, который был жестоко подавлен.

Однако это не остановило Н.П.Огарева в его намерениях. 19 января 1848 года в Симбирске, в здании окружного суда, была оформлена купчая на покупку фабрики вместе с 252 душами крепостных мужского пола.

Это было солидное по тем временам предприятие с паровым и водяным приводами, с четырьмя каменными двухэтажными производственными корпусами в шестнадцать сажен длиной и четыре сажени шириной каждый и другими производственными и подсобными зданиями.

Близ фабрики, юго-восточнее ее, находился «дом господский каменный, двухэтажный, с мезонином, на сводах, крыт тесом, длиной двенадцати и шириной шесть сажен. В нем жилых комнат шестнадцать, окон сорок четыре, печей десять...». Южнее дома располагался фабричный поселок, где жили крепостные, так называемые «посессионные» крестьяне. Часть этого поселка сохранилась до наших дней.

Увлеченный идеями утопического социализма, Огарев задумал переустроить жизнь и быт фабричных крестьян. Он начал с нововведений: изменил порядок и характер обложения крепостных, от чего выигрывали беднейшие; оказывал мате-

риальную помощь беднякам бесплатной выдачей помольной муки с мельницы; организовал больницу при фабрике и возглавил лечение крестьян, предварительно изучив медицину; запретил телесные наказания.

Все это вызвало к Огареву глубокое уважение со стороны крестьян и настроенно-враждебное отношение окружающих помещиков.

По одному из доносов Огарев был арестован в феврале 1850 года. По возвращении из заключения, в апреле того же года, он поселился на Тальской фабрике, в доме, который сохранился до нашего времени.

За время своего существования здание неоднократно ремонтировалось, но в основном сохранило старый облик. Сводчатые потолки, толщина стен, большемерный кирпич, из которого сложен дом, архитектурные особенности говорят о его солидном «возрасте». По всей вероятности, он построен в конце XVII века. Такое предположение подтверждается документальной записью о том, что к середине XIX века дом уже «ветшал и требовал поправки».

Издали дом кажется небольшим, потому что за ним, на другом берегу речки, круто поднимается огромная гора, поросшая сосновым лесом. Ее громада подавляет все вокруг. Но стоит подойти ближе, как впечатление меняется; здание довольно внушительное, на каждой стороне по восемнадцать окон — девять внизу и девять во втором этаже. В середине каждого фасада возвышается мезонин. С юго-восточной стороны — балкон, с северо-западной — застекленная веранда.

Внутри дома широкая деревянная лестница ведет на второй этаж. Одна комната, другая, большой зал с аркой... Когда-то здесь звучали рояль и гитара Огарева. В одной из этих комнат был его кабинет с библиотекой. В те годы здесь была хозяйкой Н.А.Тучкова-Огарева, сыгравшая впоследствии печально-роковую роль как в жизни Огарева, так и в жизни Герцена.

В мезонине друг против друга расположены две небольшие комнаты. Из окон каждой из них открываются живописные панорамы местности.

В стенах этого дома Огарев создал ряд своих поэтических и музыкальных произведений: поэму «Зимний путь», романс на слова М.Ю.Лермонтова «Тучки небесные» и др. Здесь им написано либретто к опере В.Н.Кашперова «Цыгане». «Симфоническая и квартетная музыка были его страстью, хотя для итальянских, русских и немецких мелодий он держал неотлучно при себе гитару и фортепьяно... Все это происходило в пылу обширного, громадного

Село Проломиха. Дом Огарева
Инзенский район

чтения, какое только можно себе представить. Любопытство и жажда расширить круг своих познаний... достигали поразительных размеров». Так писал П.В. Анненков, близко знавший Огарева. Далее автор воспоминаний продолжает: «...а однажды он пришел в негодование: «Я на Вас сердит; зачем не прислали книг, которых спрашивал, а именно: Курс анатомии... Я учусь систематически: энциклопедическое знание, с особенной (моей) точки зрения рассматриваемое, — вот моя цель!..»

В письме к С.И. Астракову летом 1854 года Огарев писал: «Перечел пропасть разных книг и написал пропасть разных виршей».

Находясь в Проломихе, Николай Платонович пристально следил за общественной и литературной жизнью страны, регулярно получая «Современник», другие журналы и отдельные издания. Здесь он прочитал работу П. Анненкова «Материалы для биографии А.С. Пушкина», «Отрочество» Л. Толстого, посмертную публикацию стихотворений Баратынского и многое другое.

Сюда изредка нелегально, с оказией приходили письма Герцена из Лондона, и также через редкие случаи Огарев отвечал другу, постепенно сознавая необходимость «при первой возможности уехать из России».

Занимаясь делами фабрики, он часто разъезжал по губернии, то в Симбирск, где у него сложился круг друзей и знакомых, то в уездные города. В ноябре 1852 года Огарев писал Анненкову: «Дела мои идут благополучно. Сейчас еду в Алатырь».

Постепенно объем работы возрастал. В декабре того же года тому же адресату он сообщал: «...мне, право, некогда. Надо заказывать машины в Бельгии, надо ознакомиться с важнейшими иностранными конторами, чтоб иметь право на скупку и вывоз за границу туземных товаров...».

Но очень скоро происходит перелом в его настроении и во взглядах. То, что недавно увлекало и представляло интерес, становится тягостным и скучным. В феврале 1854 года Огарев жаловался Анненкову: «Давно собираюсь к Вам написать, Анненков, да так много дел, что просто жизнь в тягость. И нет, не лежит сердце к индустрии ради барыша. Становится невыносимо скучно...»

Огарев убедился в бесплодности своих социально-утопических экспериментов, а жизнь и работа ради коммерции его не устраивали. Более того — он оказался на пороге финансового краха и полного разорения. Прошло шесть лет после приобретения фабрики, а он сумел заплатить за нее лишь половину стоимости. За это время ради реконструкции предприятия он наделал немало долгов. Фабрика подлежала описи за их неуплату.

3 июня 1855 года Огарев писал Анненкову: «...я тружусь все с одинаковой бесплодною скукой на фабрике. Дошло дело было до совершенного разорения, то есть описи... и я как-то помолодел, предвидя, что скоро можно перестать быть индустриалом-мучеником. Но теперь — увы! — опять дела поправляются...».

Но дела поправились ненадолго. В ночь на 15 июня 1855 года случился пожар, и

фабрика полностью сгорела. «Благодарю Вас за письмо, Анненков. Но мне все невзгода, 15 июня фабрика сгорела, то есть, кроме дома и села. Тысяч на 100 серебром убытку...».

Так перестала существовать Тальская писчебумажная фабрика, и так Огарев окончательно разорился.

Ныне на месте фабрики — остатки фундаментов бывших фабричных сооружений. Нет ни плотины, ни большого фабричного пруда, ни водяной мельницы.

На стене сохранившегося дома — мраморная мемориальная доска с текстом: «Здесь в 1850–1855 гг. жил поэт и революционный демократ Николай Платонович Огарев».

С 1973 года у стен этого дома по инициативе Общества охраны памятников общественность Инзы ежегодно проводит дни Н.П.Огарева.

Мемориальный дом ценен для нас в том отношении, что именно в его стенах произошло крушение утопических иллюзий и либерально-демократических убеждений Огарева и наметился его переход к революционно-демократическим позициям, что нашло свое окончательное завершение уже в Лондоне, в первые годы его эмиграции.

В стенах этого дома бывали: известный литератор П.В.Анненков, привлекавшийся по делу декабристов А.А.Тучков, композитор В.Н.Кашперов, брат известного драматурга М.Н.Островский, поэт Н.М.Сатин и другие. Это был один из центров усадебной культуры.

В июле 1855 года Огарев покинул свою усадьбу, уехав в Старое Акшено к поэту Сатину, а затем в Петербург. Дом переходил от одного владельца к другому. В 1920-х годах он был национализирован.

В начале 1856 года, когда Огарев был уже в Петербурге, добиваясь разрешения на выезд за границу, карсунские и симбир-

ские власти начали его розыск для привлечения к ответственности. Поводом явилось дело «о возмущении крестьян», в котором пытались его обвинить. Это было связано с неповиновением властям крестьянина Тальской фабрики Григория Салыгина, его сына Гаврилы и дочери Секлетины. Гаврилу Салыгина Огарев освободил от рекрутского набора, но, несмотря на это, того хотели забрать в армию. Это и стало предлогом неповиновения.

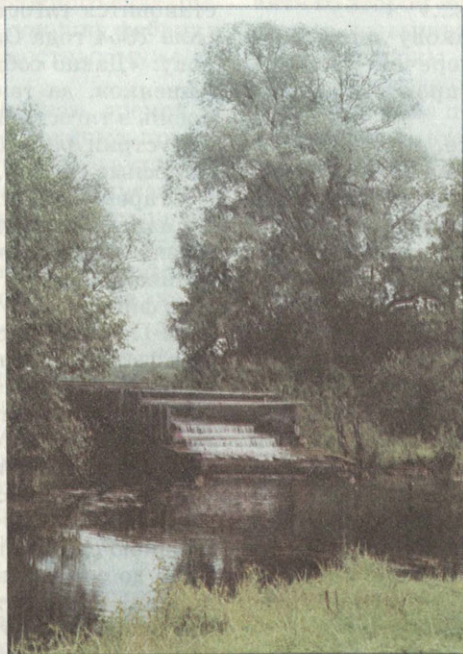
На запрос Карсунского земского суда от 28 января 1856 года Московская управа благочиния отвечала: «...помещика г. Николая Платоновича Огарева по розыску полиции на жительстве в Москве не оказалось».

27 апреля 1856 года полиция допросила бурмистра Тальской фабрики Евдокимова, который показал: «Помещик мой г. Огарев до декабря 1855 года проживал в Инсарском селе Долгоруково, Яхонтово тож у тестя своего помещика Алексея Алексеевича Тучкова, но где проживает в настоящее время, мне неизвестно».

25 октября 1856 года на запрос симбирского начальства Инсарский земский суд прислал ответ А. А. Тучкова, который сообщил, что «г-н Огарев в настоящее время уехал за границу, но где именно теперь находится... неизвестно».

Но розыск оказался запоздавшим. В марте 1856 года Огарев выехал за границу под предлогом необходимости лечения в Италии, а в действительности он отправился в Лондон к Герцену.

Находясь в эмиграции, Огарев не переставал влиять на формирование передовой общественной атмосферы в Симбирске. «Колокол» и другие бесценные издания Герцена и Огарева попадали в город на Волге и находили горячих сторонников, приверженцев освободительных идей, число которых все множилось.

Рукотворное озеро Юлово
Плотина
Инзенский район